

Андреас Умланд, Ингмар Бредис

Постсоветский парадокс: демократия в Украине, автократия в России

За последние несколько лет события в бывшем Советском Союзе интриговали иностранных политологов и удивляли неспециалистов: почему две самые большие страны в Европе развиваются противоположными путями? Россия возвратилась к авторитаризму, в то время как Украина, кажется, эволюционирует в демократическом направлении. Чем вызвано такое различие – несмотря на то, что обе эти нации принадлежат к восточнославянской, православной культуре и их истории переплетаются?

Ответы представителей международных общественных наук часто фокусировались на специфических обстоятельствах преобразований в Украине и России с 1990-х. Так, украинский раскол на две региональные и политические культуры недавно сравнивался украинским социологом Иваном Качановским с более трагическим разделением Молдовы¹. И в Украине отсутствие культурного и религиозного единства создает многочисленные проблемы, но оно также способствовало и развитию плюрализма. Непростая ситуация между исторически различными областями Галиции, Волыни, Закарпатья и Буковины, с одной стороны, и Восточной и Южной Украиной, с другой, означает, что политический пейзаж страны стал, по словам торонтского политолога Лукана Вэя, «плюралистическим по определению»². Культурно-исторические особенности географической дифференциации населения Украины, не являясь сами по себе фактором, способствующим возникновению демократии, тем не менее, представляют собой, как показал канзасский специалист по украинской политике Пол Д'Аньери, помеху для непомерной централизации власти³.

Российская Федерация, напротив, хотя и многонациональная, но все же, по сравнению со многими другими государствами современного мира, относительно однородная страна: 80% населения – русские, среди которых мало культурно-исторических различий. Остальные 20% населения делятся на маленькие народы и диаспоры. Они играют важную роль для самоопределения РФ как полиэтнического государства. Однако, как коллективные акторы, эти – часто географически

¹ Ivan Katchanovski. *Cleft Countries: Regional Political Divisions and Cultures in Post-Soviet Ukraine and Moldova*. Stuttgart, 2006.

² Lucan Way. *Pluralism by Default: Challenges of Authoritarian State-Building in Belarus, Moldova, and Ukraine*. Aberdeen, 2003.

³ Paul D'Anieri. *Ethnic Tensions and State Strategies: Understanding the Survival of the Ukrainian State* // *The Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2007. Vol. 23. № 1. P. 4-29.

раздробленные - меньшинства имеют мало прямого влияния на формирование основных направлений политики в Москве и не представляют собой консолидированную политическую силу. Россия, к тому же, пострадала, по определению ведущего стэнфордского специалиста по российской политике Майкла Макфола, от своей «незаконченной революции»⁴. Не доведенная до конца, начатая в 1990-х, трансформация России, а особенно незавершенность ее новых демократических учреждений, всегда были преградой для ее развития. В конечном итоге, это привело к авторитарной реставрации Путина. Сходные аргументы сосредоточивались также на подрывающих процесс становления плюралистического общества эффектах чеченской авантюры Ельцина в 1994-м году или на сомнительных политических последствиях владения Россией крупными энергетическими запасами⁵.

Хотя эти объяснения и представляются важными, они не отвечают в полной мере на вопрос, почему Украина – пока единственная из республик, образовавшихся в 1922 г. СССР, которая, видимо, находится на пути к консолидированной демократии. Дополнительные объяснения могут быть найдены в истории Украины – или скорее в ее исторической мифологии.

Прежде всего, вековая борьба Украины за политическую автономию и независимость от иностранного господства – монголо-татарского, польско-литовского, московского, турецкого, австро-венгерского и советского – является господствующей темой современной украинской историографии. Идея сохранения суверенитета поддерживается, в той или иной форме, всеми украинскими государственными деятелями и значимыми представителями интеллигенции. Как указывал, среди прочих, ведущий западный украиновед Тарас Кузио, Украина может осмысляться как постколониальная страна, где мощный освободительный, антиимперский национализм в основном поддерживает демократические тенденции, а не противодействует им⁶. Кроме того, политика поиска идентичности в современной Украине часто обращается к досоветским протодемократическим тенденциям, которые рассматриваются, как основополагающие для украинской нации и демонстрирующие ее принадлежность к Европе.

Так, например, идея демократического правления отсылает к эпохе Киевской Руси IX-XII столетий, считающейся «золотым веком» украинской преднациональной государственности. Киевская Русь представляется как государство, имевшее зачаточную демократию в форме местных собраний (веча), создавшее относительно развитый правовой кодекс Русской Правды и делавшее первые попытки установить избираемую монархию. С возникновением Казацкого Гетманата в XVI столетии появляется еще одно украинское предгосударство, которое иг-

⁴ Michael McFaul. *Russia's Unfinished: Political Change from Gorbachev to Putin*. Ithaca, 2001.

⁵ M. Steven Fish. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge, 2005.

⁶ Taras Kuzio. *Theoretical and Comparative Perspectives on Nationalism: New Directions in Cross-Cultural and Post-Communist Studies*. Stuttgart, 2007.

рает важную роль в современной национальной идентичности. Будучи вооруженными крестьянами, казаки сформировали на берегу реки Днепр военную республику с представительным органом – Казацкой Радой, члены которой избирали своего военачальника – гетмана. Любовь казаков к свободе и протодемократическому правлению вплоть до сегодняшнего дня влияет на представление украинцев о самих себе. Более того, казацкий гетман Пылып Орлык в 1710 году создал проект одной из первых в мире конституций, которая стремилась преобразовать Гетманат в выборную монархию. Основной закон Орлыка так никогда и не вступил в силу и, по современным стандартам, был примитивен. И все же, в то время этот документ получил широкое признание и послужил примером для будущих конституционных проектов.

Во время революционных событий 1917-1918 гг. на короткое время была создана (зависимая от Вильгельмской Германии) Украинская Народная Республика, возглавленная Центральной Радой, которую составляли делегаты всех крупных политических партий. Этот непродолжительный, но все же, по сегодняшним стандартам, уже в значительной степени демократический эксперимент был особенно примечателен соблюдением его лидерами правовых норм.

Еще более важно, чем сам фактический ход истории, то, что эти и некоторые другие эпизоды украинской истории сформировали исторические мифы, которые сегодня определяют национальную идентичность. Украинцы видят себя обладателями традиций своеобразного индивидуализма и любви к свободе, а свою страну, как уже давно являющуюся разнообразной. В некоторых случаях такое мировоззрение выражалось в анархистских тенденциях. Эти особенности национального характера иногда упоминаются для объяснения кажущейся неспособности Украины обеспечить свое самоопределение. Однако в последние годы они также способствовали демократизации страны в том смысле, что элита страны вела себя умеренно, избегая силового варианта развития событий, и стремилась к поиску консенсуса в решении конфликтных ситуаций, например, во время Оранжевой революции в 2004 г.

Все это отличается от историографии и автостереотипов, доминирующих сегодня в России. Безусловно, российская история тоже имела множество протодемократических тенденций. Россия может предъявлять свои права на наследие Киевской Руси и казацкой вольницы. Кроме того, в средние века в городах-государствах Новгороде и Пскове существовали вече – коллективные правящие органы, происходили выборы представителей исполнительной власти, формировалась зачаточная система сдержек и противовесов. Позднее на Земском Соборе был избран первый царь династии Романовых – Михаил. Его потомок Александр II в 1861 г. начал Великие реформы. Проект Александра включал, среди прочего, освобождение крепостных, реформу судебной системы, создание представительских земских и городских собраний и постепенное формирование законодательного органа. В конечном счете, преобразования, начатые «царем-освободителем»

и продолженные во время революции 1905-1907 гг., возможно, привели бы к появлению конституционной монархии по западноевропейской модели. Однако они были подорваны разрушительными эффектами Первой мировой войны.

Эти факты, конечно, хорошо известны в России. Однако они играют относительно незначительную роль в национальной мифологии и самовосприятии многих русских. Вместо этого положительные оценки таких фигур, как Александр Невский или Петр Великий и, частично, даже Иван Грозный и Иосиф Сталин до сих пор доминируют в национальной исторической памяти россиян. Эти государственные деятели были успешными военачальниками и, в некотором смысле, модернизаторами. Но они также сконцентрировали власть в своих руках и не терпели ограничений своих прерогатив. Даже самый прозападный среди царей России, почти повсеместно обожаемый Петр, играл двойственную роль в российской истории, так как модернизированное Петром Великим государство было в то же время сверхцентрализованным, если не сказать протототалитарным.

В некотором смысле, этим можно объяснить и головокружительный – хотя и определяемый, в основном, ценами на энергоносители – взлет Путина. Скорее удачливый, нежели великий лидер, современный российский премьер выступает в имидже нового Петра: Путин – авторитарный вождь, но и (якобы) эффективный модернизатор.

Ни многогранная история русского народа, ни судьба его многочисленных гениев, часто подвергаемых преследованиям власти, не определяет взгляд большинства великороссов на историю своей родины. Вместо этого имперское наследие вооруженного могущества, территориальной экспансии и побед в войнах – это то, что, по мнению многих русских, делает их уникальными.

Большинство же украинцев рассматривают Запорожскую Сечь не как военный орден (чем она, частично, видимо была), а как цитадель свободы. Элита Киева приветствовала распад Советского Союза как освобождение. Напротив, глубокое расстройство русских в связи с потерей их империи и статуса супердержавы заставило некоторых наблюдателей говорить о «веймарском синдроме» и сравнивать постсоветскую Россию с преднацистской Германией⁷.

Историческое прошлое – это очевидно не все. Как показывает развитие постфашистской Германии, облик страны может меняться быстро. Однако пока Россия и другие постсоветские республики будут придерживаться национальной мифологии, которая не уделяет особого внимания протодемократическим началам в их истории, они останутся в ловушке своих авторитарных традиций. Украина дает им пример того, как страна может порвать с непригодным прошлым и создать плюралистическое государство, используя соответствующие (даже если иногда в чем-то идеализированные) прецеденты своей национальной истории.

Перевод с английского – Елена Сивуда.

⁷ Александр Янов. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М., 1995.